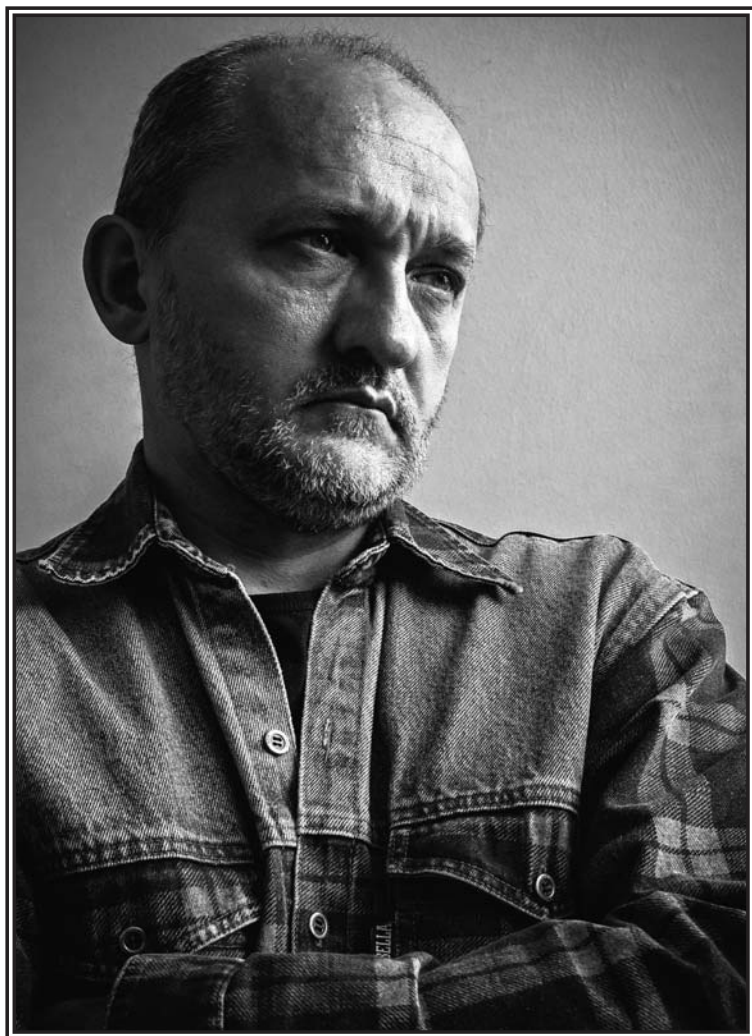

ОЛЕТ ПОЛЕВОЙ

**ЧЕРНО-
БЕЛОЕ
КИНО**

Олег Полевой

ЧЁРНО-БЕЛОЕ КИНО

ОЛЕГ ПОЛЕВОЙ

СТИХИ И ПЕСНИ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
образ
2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
П 49

izdat.su

П 49 Полевой, Олег Юрьевич

Чёрно-белое кино / Стихи. — М.: Издательство «ОБРАЗ»,
2017. — 104 с. — (Поэтическая серия «Вдохновение»).

ISBN 978-5-9909134-5-5

«Чёрно-белое кино» — первая книга Олега Полевого (г. Анапа, Россия). Автор может быть лиричным и камерным, рассказывая о сокровенных мгновениях «застенчивого счастья». И в то же время, оттолкнувшись от исторического контекста, Олег Полевой способен выйти на важные философские обобщения. В книгу вошли лучшие стихи и песни разных лет.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

В соответствии с ФЗ от 29.12.2000 № 436-ФЗ. В некоторых произведениях сохранены орфография и пунктуация оригинала. Мнение автора может не совпадать с позицией издательства. **Все права защищены.**

ISBN 978-5-9909134-5-5

© Олег Полевой: текст, 2017
© Эд Побужанский: вступление, 2017
© ОБРАЗ: оформление, 2017

Кино и песни Олега Полевого

ПОЧЕМУ «ЧЁРНО-БЕЛОЕ КИНО»? Предположу, что название сборника можно объяснить двумя особенностями поэтического письма автора. Во-первых, Олег Полевой, нередко черпает вдохновение не столько из окружающего мира, сколько из художественных источников: из литературы, театра и кино. Об этом говорят даже кинематографические названия, встречающиеся в книге. Например, «Калина красная» сразу же отсылает к ленте Василия Шукшина (хотя сюжетно одноимённое стихотворение совсем о другом), а «Чума» — к знаменитому роману Альбера Камю. Это ответ на вопрос, почему к и н о. Во-вторых, автор этого сборника, очевидно, тяготеет к сознательному упрощению реальности (так легче «дойти до самой сути»): чистые — без примеси — краски, однозначные герои, неизменные моральные константы. Последнее особенно важно. Добро и Зло, Жизнь и Смерть, Правда и Ложь. Любовь. У Олега Полевого эти императивы употребляются именно так, с прописной буквы — чтобы лишний раз подчеркнуть их весомость и незыблемость, вероятно. Это к вопросу, почему кино ч ё р н о - б е л о е.

*Скоморох, судьбы бубенчатый колпак,
Что ж ты плачешь возле сальной бочки?..
Жизни-ярмарке поставить верный знак
Смог лишь ты — души отточенные строчки.*

Лирика Полевого полна оригинальных образов, метафор и символов. Правда, разобраться с авторской символикой с наскоку не получится, для этого требуется более глубокое проникновение в поэтическое пространство «чёрно-белого кино».

Олег Полевой может быть лиричным, очень камерным, рассказывая о сокровенных мгновениях «застенчивого счастья». Посмотрите, как страстно и в то же время очень целомудренно поэт пишет о близости мужчины и женщины:

*Движения руки —
И трепетное тело
Распустит лепестки —
И робко, и несмело.*

И в то же время Олег Полевой способен, оттолкнувшись от исторического контекста, выйти на важные философские обобщения. Вот какие поистине эпические картины рисует поэт, невольно перекликаясь с революционной поэмой Александра Блока «Двенадцать»:

*И в поле брани рвётся пёс,
Сверкнув голодными глазами.
Чечётку бьёт лихой матрос,
Дробя иконы каблуками.*

Когда готовишь к выпуску первую книгу талантливого автора, всегда интересно заглянуть вперёд и попробовать угадать, каким будет следующий сборник дебютанта. А если это будет не книга, а... музыкальный альбом с песнями на стихи Олега Полевого? Отлично!

Будем ждать!

*Эд Побужанский, поэт,
главный редактор издательства «Образ»*

БЕЛАЯ РЕКА

Лето

Над землёй гуляет лето —
Небо, залитое светом.
Над землёй гуляет лето —
Нежный утренний росток.

И теплом души согрето
Всё, что вижу, всё, что где-то.
И теплом души согрето
Сердце — красный лепесток.

Письмо любимой

Напишу письмо любимой —
Столько слов в душе-котомке.
Напишу письмо любимой,
Для её прекрасных глаз.

Пусть в душе родной и милой,
Озорной, на слово колкой,
Не останется сомнений,
Что люблю — как в первый раз.

Любовь

Ты посмотри: они — любовь,
Они — любовь. Без мук, без слов.
И сотканы они из наших снов.
Ты посмотри — они как кровь.
Они как кровь, в которой смерть
Перерождается в любовь.
Ты посмотри, они — как боль.
У них в глазах такая боль —
Ты на пути у них не стой.
Лишь прикоснись,
И пусть их боль
Навек останется с тобой.
И чтоб они не встретились с бедой,
Ты песню им негромкую пропой,
О том, что впереди их ждёт
И счастье, и покой.
И много неба с Утренней звездой.

Признание

Жене

Где бы ни был я —
О тебе пою.
Свет любимых глаз
Повстречать — молю.
Ведь твоя душа —
Как небесный свет,
И такой, как ты,
Больше в мире нет.
И такой, как ты,
Больше в мире нет,
И во мне для всех —
На века запрет.
Лишь одна душа —
Это ты и я,
Как один Господь,
Как одна Земля.
И не нужен мне
Будет мир иной,
Где твоя душа
Будет не со мной.
Ведь такой, как ты,
Больше в мире нет.
Ведь такой, как ты,
Больше в мире нет!

Расставание

Снегопад — снежинок лёгких хоровод.
И речей любимой белый пароход
Уплывает от меня за горизонт.
Я — под зонт.
Ты — с другим.
И к новой жизни переход —
Без хлопот.
Я один под Новый год.
А вокруг шумит народ.
Каждый день.
А день — как год.
И вот.
Не смеётся старый клоун,
Не смешит когда-то
Модный анекдот.
И для ёлочных игрушек —
Птичек, рыбок, хохотушек —
Чай и торт.
Ну а ты его прощаешь,
Ждёшь. Встречаешь.
И всё дальше уплывает пароход.
Вот.
Город тихо засыпает.
Снег всё падает.
И тает
На моей ладони.
Старый Новый год.

Ревность

Расставание смерти подобно.
Расставание смерти сродни.
И жуют моё сердце незлобно
Расставания чёрные дни.

Всё уж сказано, спето, испито.
И прощала ошибки Судьба,
И Беда подставляла копыто,
Но ушла ты, ушла навсегда.

Ты смеялась в лицо, торжествуя,
А во взгляде презренье и власть.
Раздавала Разлука, блефуя,
Для тебя лишь козырную масть...

И с тех пор я как пёс у порога —
В ожиданье хозяйской руки.
Ну, ещё подожду вот немного
И поддену тебя на клыки.

И не храмы — а чёрные стены.
И погаснут святые огни.
И в отместку за годы измены
Вспыхнет адское пламя в груди.

И тогда не «прощай!», а прощенье
Ты попросишь в объятьях моих.
Твоя нежная плоть угощением
Мне послужит за чёрные дни.

И, склонясь над твоею могилой,
Разорвав райских дней тишину.
Пёс завоюет с невиданной силой
О любимой в хрустальном гробу...

* * *

Открытое окно.
В слезах её ресницы,
И первая любовь
Поёт волшебной птицей.

Движения руки —
И трепетное тело
Распустит лепестки —
И робко, и несмело.

Неписанный закон
Сокроет опыт страсти.
Услышит небо стон
Застенчивого счастья...

И я шепчу стихи
У брачной колыбели.
Слова — как мотыльки
В весенней карусели.

Душа моя

Душа моя — свеча в пустынном храме,
Где стены так безлики и пусты,
Где кованая сталь в оконной раме,
Где бороды сплетаются в хвосты.

Душа моя — свинец, свинец и пламя,
Клеймо на теле вечной суеты.
Я душу распинаял и рвал грехами,
Чтоб ощутить мучения Земли.

Душа моя — растрёпанное знамя,
На поле брани рвётся в лоскуты.
Расправит над цветущими лугами
Беда свои стальные лепестки.

Душа моя — тропа под сапогами,
Забыта и затоптана в пыли.
Земля, что проросла в неё корнями,
Томится в ожидании любви.
Душа моя — Душа...

Просьба

Я попрошу у Бога
О счастье на Земле.
Ведь он придумал Землю,
Придумает и мне —
Прекрасные мгновенья,
Счастливые часы.
Я назову всё счастьем,
И это будешь — ты.
И прочь уйдут сомненья,
И прочь уйдёт тоска.
В тебе моё спасенье
От пули у виска...
Я попрошу у Бога,
Чтоб счастье на Земле
Заполнило всё небо
И воды в глубине.

* * *

Мой бедный Бог,
Ты был так весел.
Терпенью твоему,
Казалось, нет предела.
Я стал Тебе не интересен.
Твоя — душа,
Моё лишь тело.
И как прообраз суеты
Живу в терзанье бесконечном.
И в вечной лжи,
И в вечной лжи.
В такой, как Ты,
На свете вечной.
Мой добрый Бог!

Белая река

Белая река,
Небо, облака.
Холодно в груди,
Словно
Лёд, моя душа,
Иней, как парша,
Покрывает плоть
Ровно.
Мёртвая вода
Голубого льда,
Сердце не стучит
Кровно.
Жизнь моя — река,
Острые бока.
Тает не спеша,
Скромно.
Скоро ледоход —
Белый пароход.
Протрубят вперёд
Горны.
Разорвёт душа,
Бешено кроша
Вросшие в меня
Корни.

Ухнуло в груди,
Где-то впереди
Стройные ряды —
Вольно.
Всё, что на пути,
Мне не обойти.
Грудью об утёс —
Больно.
Вот и поворот,
Треснул в сердце лёд.
Корчится, орёт
Вздорно.
Знает, впереди,
Как тут ни крути,
Поглотят его
Волны...
У моей весны
Расписные сны.
Растворюсь я в них
Сонно.
Тает не спеша
Детская душа.
Ну не плачь, не плачь!
Полно!

Запомни меня

Запомни меня:
Я скакал по Земле
На красном коне,
На горячем коне.
В лихие года,
В революции — пламя.
Я был на Земле,
Будто алое знамя.

Запомни меня.
Я скакал по Земле
На чёрном коне,
На железном коне.
Сквозь смрад и разруху,
Беду попирая.
Я был на Земле,
Будто чёрное знамя.

Запомни меня.
Я скакал по Земле
На белом коне,
На печальном коне...
Душа мне судьбу,
Как назло, предсказала —
И жизни мне мало,
И смерти мне мало.

КАЛИНА КРАСНАЯ

* * *

Я родился человеком,
Я был ангелом, дружок.
Жизнь моя — дорога к Свету.
Звук мой — ангельский рожок.

И твердили мне калеки
Там, где скрыт от взора Храм,
Что отныне и навеки
У тебя на сердце шрам.

Что родился человеком,
Что был ангелом, дружок,
Грех твой — сладкая свобода.
В сердце — каменный божок...

И всё снятся мне рассветы,
И всё снится мне земля,
Где любовь хранит секреты
В нежной трели соловья.

Сон

Мне снится сон — кошмарный сон:
Кровавый луч пробил планету,
Победным маршем сквозь запреты
Ввалился ада гарнизон.

Всё уплотнилось, загустело:
Пространство, время и вода.
От страха сердце поседело —
Пришла свинцовая чума.

Смердит кровавый гарнизон,
Бурлит и плавится планета.
И покрывает мир позор,
И отменяются запреты.

Печален облик у Христа —
Народ, что истово молился,
Пятиконечною клеймился
И отрекался от креста...

Сменился царь — сменилось горе.
Забылся колокола звон.
Там за Кремлёвскою стеною —
Кошмарный красный гарнизон.

Закройте брешь, прошу, закройте!
Спасите нас, ведь мы в плену.
Трубите, ангелы, и пойте —
Наш мир похож на кутерьму.

Но удаляется карета,
Оставив горе без ума.
Распутно крутится планета,
Как загулявшая жена.

Чума

По узким улицам, сошедшая с ума,
Гремит повозкой безобразная возница.
Идёт по городу костлявая Чума —
Чернее чёрного бездонные глазницы.

Кряхтит и стонет суетливая Судьба,
До срока полнятся подземные темницы,
Шипят и плаваются ненужные тела,
Покрыты пеплом перекошенные лица.

И храма нет в душе и некому молиться.
Прах человеческий ложится на жнивье.
Кричит младенец и кормилица страшится —
В пустой груди лишь забродившее вино.

Глаза безумные. Пирует вороньё.
В кровавом зареве грехов земных столица.
Пустынный город погружён в небытие.
Парит над бездной перепуганная птица.

* * *

Просторных площадей холодная столица.
Последних королей холодная постель.
Священная река, заплаканные лица
И скорбный хоровод туманных фонарей.

И тень былых фигур на серых тротуарах,
И радость прежних встреч забыта, и давно
Пустая тишина чернеющего храма,
Где ломится тоска в разбитое окно.

И мечется с косой — ей по ночам не спится.
Таращится слепой, предчувствуя беду.
Старуха, очумев, на крест святой косится,
Припомнив давний грех с семёркою в году.

Подвесили судьбу, упрятали в темницу.
В святое Рождество — разжёванный кусок.
Лежат в одном ряду знакомые всё лица,
И пялится душа в простреленный висок.

Просторных площадей холодная столица.
Последних королей холодная постель.
Проходят времена. Меняет только лица
С ухмылкой роковой ликующий злодей.

* * *

Я отмечу на белом листе
Дни рожденья.
И в красной темнице,
Под распятым на красной стене
Улыбнутся усталые лица.

Пир горой на господском столе,
Трупный сок пропитал половицы,
На костях, что зарыты в земле,
Веселится родная столица.

Смерть летит на горячем коне,
Лихо цокнет стальное копытце...
Что последнее видится мне —
Одноглазых расстрельные лица.

Я видел...

Такого не должно было случиться.
Земля моя — грехов моих темница.
Я видел Смерть — воровка неумело
Кормила грудью малое дитя
И в логово тащила очумело.
Я видел там мужчин —
растерянные лица,
Они погибли все до одного,
И женщин обезумевших глаза —
Душа металась, как пленённая синица.
Я видел, как слепые люди-звери
Терзали злобно детские тела,
Но души тронуть так и не посмели.
А души те, свободные, сияли,
Прощая всех и всех до одного,
Чьи рты от подлой лжи не умолкали.
И ни укрыться было, ни спастись
От огненной безжалостной метели.
Земля моя! И я, и ты, и мы —
Спасти их так и не сумели.

Приют

Где-то там, в неведомых просторах,
Ждёт меня приют священных гор.
Я оттуда родом и, бесспорно,
Здесь исполнил скорбный приговор.

Строгий стиль вселенского закона —
Как любовь великого царя.
Колыбель и крест над строгим гробом —
Это я. И это тоже я.

И отпустит дух легко и скоро
Душу, что томилась во грехе.
Для неё небес прозрачных хоры
И ладья на призрачной реке.

И откроют дверь без слов укора —
Шлейф грехов удержит ли Земля?
Чистый храм. От лёгкого поклона
Колыхнулись нежные поля.

* * *

Над землёй раскрыла крылья птица вольно.
Оттолкнулась так привычно, так спокойно.
Так моя душа покинет тело, улетаю,
В небесах просторных тая, тая, тая.

И падёт тоска на милое лицо,
И чернеет на руке её кольцо.
И страшит её посмертное застолье —
Взгляды скорбные вонзают в сердце колья.

И свидетели бездумного веселья
В зеркалах столпились траурною тенью —
Как парад моих мучительных грехов.
И визгливый гомон лживых языков.

И катит судьба стальное колесо,
Но покой мне чисто выбелит лицо.
И восстанет Крест Святой охранной сенью,
Как Спаситель над подземной колыбелью.

5 марта 2000 г.

Свет небесный

Свет небесный, свет земной,
Тишина и блики солнца.
Я чудесной стороной
Мчусь к чудесному оконцу.

Там и радость и печаль,
Там прекрасные долины.
Там Земли небесный рай,
Красок нежных переливы.

Я с тем миром обручён.
Там доверчивые птицы.
Там церковей волшебных звон
И полей волшебных ситцы.

Там родные голоса,
Там чертог заветной Воли,
В вольной воле Небеса
И ветров свободных доля.

Там неведомый Завет
Стережёт покой долины,
Выше смерти, выше бед
Божьей славы исполины.

Падает звезда

Падает, падает с неба звезда.
Смертью запахло, грехи отпустили.
Снова уходит там кто-то — не я.
Старшим дорогу! Так в детстве учили.

В кожаных складках застыли глаза —
Бег прекратился, пустой и блудливый.
В скорбном поклоне фигур череда —
Словно над омутом скорчились ивы.

Очередь скорби — не плачьте, живущие.
Хватит на всех и молитвы, и пули.
Кто там за мной? А младенцы орущие
Заняли сразу, как только вдохнули.

Эх, непутёвого мяса армада.
Тянем друг друга под вопли сосущих.
Смерть, кто б ты ни был — плохая награда
И для раба, и для власти гнетущих.

Вот и могила! Как так?! В чём же дело?!
Кто мне подскажет? И кто мне поможет?
Тот, кто за мной подтолкнул неумело,
А удержать уже, видно, не сможет.

Падает, падает с неба звезда.
Смертью запахло, грехи отпустили.
Снова уходит там кто-то?! ...Ах да!
Старшим дорогу — так в детстве учили.

Скоморох

Актёрам

Скоморох, судьбы бубенчатый колпак,
Что ж ты плачешь возле сальной бочки?..
Жизни-ярмарке поставить верный знак
Смог лишь ты — души отточенные строчки.
Ярмарки слеза, отбрось же страх,
Колесом пройдишь, нахохлишь квочкой.
Вспомни, как вчера плясал в лаптях,
В царской мантии на подранной сорочке.
Как душа катилась под уклон,
Как душа парила дивной птицей —
На земле твоё лишь ремесло
Может с пира заманить в темницу...
Только в сердце чьё-то битое стекло.
Нет пощады. Эх, беды денёчки!
За вчерашнее лихое торжество
Режут в кровь твои раскрашенные щёчки.
«Скоморох!» — кричат, и властная рука
На плечо легла. Стальные почки
Лепестки раскрыли, где душа,
Распустили алые цветочки...
И упал на снег под царственным окном,
В красный снег — за песенные строчки,
Человек простой с раскрашенным лицом,
В царской мантии на подранной сорочке.

13 апреля 1997 г.

Пора!

Друзья, давайте веселиться!
Что толку ныть и горевать!
Напиться так, чтоб утопиться.
На жизнь мне, собственно, плевать.

Святых терзаний жалкий жребий
Испит до самого до дна.
Расчешет пряди Смерти гребень,
И не дожить мне до утра.

Прочти мне, друг, святой молебен —
Пора мне в путь, давно пора.
Засох, увял зелёный стебель.
Чернее чёрного дыра.

Прощайте!

Прощайте, милые друзья!
Навек.
Не встретиться нам снова.
И безмятежная Земля
Лишь для надгробия основа.
И всё, что помнила душа,
Отдаст Вселенной бесконечной.
И всё, что было у меня,
Как прах,
 развеет ветер встречный.
Прощайте, милые друзья...

* * *

Свершилось. Путь окончен, и петля
Сжимает мою шею слишком туго.
Уходит из-под ног моих Земля.
Я выхожу из замкнутого круга.

Осенний дождь и мокрые поля,
И где-то плачет иволга-подруга.
Предчувствие иного бытия —
Мне от Земли последняя услуга.

Прошедших лет тугая тетива
Исполнила своё предназначенье —
Душа, как раскалённая стрела,
Пронзает небо огненным свеченьем.

Слабеет плоть, не знавшая стыда.
И веры нет в грядущем поколенье.
Кровавый кнут в послушные стада
Сгоняет обезумевшее племя.

* * *

Попробуй вспомнить первый день,
Запомнить день последний —
Когда шагнёшь ты, словно тень,
Из будничной передней.

Когда окажешься ты вновь
На золотых лугах
Иль гостем будешь дорогим
На праздничных пирах,

Когда очнёшься — как душа,
Как нежный лепесток,
И будешь весело цвести
Среди цветов — цветок,

Тогда поймёшь, что для души
Милее всех прикрас
Во все века священный лик —
Нерукотворный Спас.

Последний день

Сегодня мой последний день.
Но нет ни грусти, ни печали.
Мой путь на рученной Земле
Секунды звонко отсчитали.

Последний день — спешит, зараза.
Мне не забыть тебя, Земля.
И как прощались мы — не сразу,
Ни в чём друг друга не вина.

И пел нам песню соловей,
Глуша моих прощаний бредни.
Я позабыл свой первый день,
Зато запомню день последний.

И стал мне дорог каждый миг —
Дыханье, жест, души движенье.
И даже то, к чему привык.
И каждой клетки напряженье.

Вот мы стоим лицом к лицу.
Твоя душа во мне, планета.
И всё, чем слышу, чем дышу,
В твоих лучах растает где-то.

Плаха

Палач готовит острый меч.
Судья готовит речь —
Вельможи
Мне отделяют речь от плеч,
И по-другому быть не может.

Толпа беснуется, шумит,
И слышен стук весёлых кружек.
И голова моя глядит
На головы своих подружек.

И нет прекраснее голов,
Лишь в них мне виделось спасенье.
Но не расслышать мне их слов,
И дух мой полон сожаленья.

Палач занёс тяжёлый меч —
Замедли шаг, земной прохожий.
До новых встреч, до новых встреч!
Я к вам вернусь, на свет похожий!

Беглец

Я пригрел на груди чью-то Смерть,
Как бродяжка скиталась она по Земле.
И теперь моя плоть как бесплодная твердь,
И молчит моё сердце в костлявой руке.

Я сбежал, словно ангел, в ночной тишине.
И бесшумны движения крыльев моих.
И со мной кто-то рядом на белом коне,
И душа моя стала душой для двоих.

И скопления звёзд как волшебный парад!
Я — свободная птаха, где Солнечный град.
И прекрасное солнце волнует и манит.
Я — свободная птаха за стенами рая.

И тоскливо, и грустно, и нет сил терпеть,
Я хочу снова жить и опять умереть.
И скитаться по миру в волшебных просторах.
И покинуть пределы извечного спора.

Вновь вернуться сквозь муки на вечную твердь.
Я пронёс эту веру на крыльях своих.
И, как прежде, пригреть
на груди чью-то Смерть.
И опять чью-то смерть разделить на двоих.

Красное и белое

Века лихие на Земле.
Запомню мир — хмельной, постылый.
Здесь *Красный* пляшет на золе,
И в омут смотрит *Белый*, милый.

И кто-то чавкает в норе,
Спят преподобные, святые.
Пугливой стайкой в стороне
Мычат незлобные немые.

И беспризорник на ветру —
Души растрёпанное знамя.
И распухает на пиру
Плоть, раздувающая пламя.

И в поле брани рвётся пёс,
Сверкнув голодными глазами.
Чечётку бьёт лихой матрос,
Дробя иконы каблуками.

И новый век, и столько слёз.
И столько горьких слёз и боли!
И Дух, очнувшийся от грёз,
Клеймит позором девку Волю.

И нить печальная в клубок —
Грехов мохнатые ворсинки.
И рассекают сердце вновь
Души хрустальные слезинки.

И толпы молятся взаимно.
И вроде Крест Святой над нами,
Но замахнётся Смерть косою —
И новый век, и ярче пламя!

Друзьям

Да! Я тоскую без друзей.
Без тех, чьё имя на граните:
Он слёз согласных, гласных дней
Бездушный камерный хранитель.

Да! Я тоскую без друзей.
Да, я тоскую без открытий
В душе просторных площадей,
Где Бог спешит на зов свечей,

Духовных ран Святой Целитель.
Да! Я тоскую без друзей,
Их не жалел Судьбы Властитель
И, словно загнанных коней,

Вёл под насмешки королей —
Ликуй, последний победитель!
Да! Я тоскую без друзей.
Без пёстрых ярморочных событий,

Когда для своры палачей
Шут не берёт своих речей
И выпивал кровавый сбитень.
Да! Я тоскую без друзей.

Ты слышишь, мира Повелитель?
Твой крест в руках лихих людей,
И правит душами Злодей —
Голодной стаи укротитель.

Да! Я тоскую без друзей.
Без прежних встреч, сердечных нитей.
Бесед простых, без ложной прыти,
Под шелест стройных тополей...

Да! Я тоскую без друзей...

Русь

Равнины, полные хлебов,
Леса, озёра голубые,
И нет ни злобы, ни врагов —
Такой была бы ты, Россия?!

И куполов волшебный зов,
И табуны — ветра степные,
И стерегут Святой Покров
Небес потомки удалые.

И было б так наверняка,
Когда б не головы шальные, —
Пронзая славные века,
Низвергла образа святые
Мятежных ангелов рука.

И огонь лампад в церквях задули,
И не жалел дитя отца.
И в православные сердца
Голодные вонзались пули.

И, словно песнь за упокой,
Хлопки расстрельной канонады.
И закрывали небеса
Небес последние солдаты.

И покидала на века
Душа привычные просторы.
Где в колокольные бока
Предсмертные вонзались стоны.

Где Смерть с ухмылкой брала
С пиров хмельных слепые души.
Где веселилась голытьба
Под мерзкий визг шальной кликуши.

Где век кровавый, как зверёк,
Метался в поисках добычи.
И закрывал лицо пророк.
И выпивал кровавый сок
Царей кровавых повелитель.

10 января 2001 г.

Беда

Растворяются мечты
В серебре да в золоте.
Остаёшься только ты —
Чёрная от копоти.

Остаёшься только ты,
Да в руках свирель.
И седые волосы,
И земля-постель.

И не видно у тебя
Ни конца, ни края.
Ты, Беда, то чёрная,
То опять седая.

А земля пропитана
Горем от потерь.
Но не остановится
Жизни карусель.

Стелет павшему земля,
Где седой ковыль.
Но в душе той омуты,
Да трава полынь.

Но в душе той омуты
Да усталый взгляд.
Под глазами чёрные
Тени от утрат.

И коса до пояса
Из седых волос —
Белая покойница,
Дьявольский покос...

И не видно у тебя
Ни конца, ни края.
Ты, беда, то чёрная,
То опять седая.

Красные короли

Колоду красных королей
Усталой старческой рукой
Тасует Бог (а может, Чёрт)
Над рваной раненой землёй.

И как начало новых бед
Летит и плавится комета.
И метит всех, кто не успел
Сбежать в блудливую планету.

Всё пересчитано — от твари до младенца.
И Царства розданы кровавым королям.
И снова вырвут чьё-то маленькое сердце,
И трупный запах расползётся по полям.

Неистребимое желанье — истреблять,
Неудержимое стремленье к разрушенью.
Уничтожение в крови — лихая рать
Стремится видеть смерть
как высшее творенье.

И воздвигаются дворцы во славу тех,
В ком нет ни нежности,
ни ласки, ни прощенья.
Кому неведомо святое чувство — грех.
Кому известны лишь
восторги развращенья.

Творите зло, ублюдки, мерзости сыны!
Питайте похотью невидимые стаи.
И хоть снаружи вы сверкаете, блистая,
Внутри вас жалкие и тусклые огни...

Наступит время, верю, расплавится земля.
Под теми, кто склонился пред троном короля.
Под теми, кто с его руки слизал чужую кровь
И бросил к кованым ногам распятую любовь.

Кто оскорбляет, оскверняет честь земли,
Кто, словно боров,
 распухал в кровавой луже.
Кто был вскормлён
 на детской девственной крови —
Впитал её, как губка, грязной тушей...

Колоду красных королей
Усталой старческой рукой
Тасует Бог (а может, Чёрт)
Над грешной раненой землёй.

А по изгаженной душе,
А на затравленных людей
Шагает, тужится, смердит
Колода красных королей.

5 января 1996 г.

Петербург

Петербург — я слышу слово.
Петербург — взведён курок.
И душа от чьей-то крови
Вся сжимается в комок.

Петербург — святое слово.
Здесь река и небеса
Отпустили грех на волю
Под святые голоса.

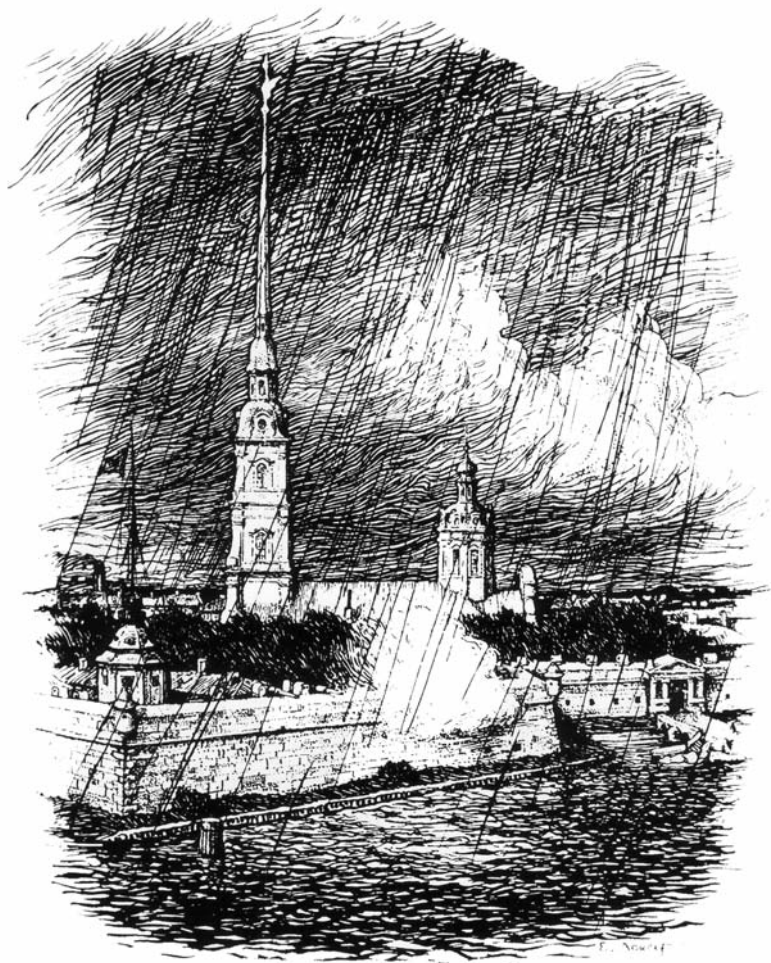
Случай, сонная тетеря,
Пальцем ткнул, и наугад
Город выплеснул на Белых
Красных полчищ авангард.

Закрутилась, завертелась
Кутерьма из пуль и тел.
Шаг неверный — стелет Белым
Саван белую постель.

Почернела Русь от горя,
Пошатнулась на корнях.
Захлебнулась алой кровью
В обезглавленных церквях...

Вот и всё. Прощай, мгновенье!
Развела беда мосты.
Над прекрасным поколеньем
Распрекрасные кресты.

9 апреля 1997 г.

L. Newell

Война и Смерть

Война и Смерть — не так уж мало.
Кому бедой, кому судьбой,
Кому открытой рваной раной.
Когда тебя рожала мать,
Она про всё про это знала.
Беду предчувствуя, кричала.
Звала на помощь, может быть.
А может, просто защищала.
Но с каждым днём тебя Судьба
От пуповины отрывала,
А Смерть ловушки проверяла,
Добычу красным помечала
И уносила на века.
И кровью харкала Война.
Свистела, ухала, визжала,
Звала и пулей верещала.
И, трупным запахом смердя,
Пустую колыбель качала.
И кто-то завтра, как и ты,
В траншее ползая на брюхе,
Оглохший от взрывной волны,
Теряя ноги, кожу, руки,
Прижмётся к Сумрачной Старухе,
Затихнет на её груди...

И от разрыва слепнет мозг.
И Смерть глядит уже всерьёз.
И остывает на погонах,
Звезда, светившая с пелёнок,
В такт остывающей груди...
Болит душа, тупеет мозг.
Болит душа и ноет сердце.
И не хватает сил и слёз
Оплакать всех, кто мёртв,
Всерьёз.
И всем, кто жив, оттаять сердце.
А на Земле, а в Небесах
Огня лихая свистопляска.
И рассыхается Земля,
И страшен Бог, срывая маски
С Икон Кровавого Кремля.

Весна

Белый лебедь в синем небе
Над весеннею землёй.
Мы идём, как в Божьем Храме,
С непокрытой головой.

Всё искрится и играет —
Просыпается земля.
И меня ты увлекаешь
В отдохнувшие поля.

Мы парим над сонным лугом —
Как дитя и как отец.
Мой невидимый союзник,
Мой спасительный венец.

Позабыл я все печали,
Как нектар весны краса.
Моё сердце наполняет
Серебристая роса.

И над тёплыми лугами,
Над ожившею рекой
Обнимает нас крылами
Солнце, небо и покой!

Волк

Я был рождён в степи, как волк.
В меня стреляли — я умолк...
Среди людей родиться было
Мне суждено наполовину.

Но не забыл я вольной воли
И тех, кто гнал меня по полю.
По той земле, где мать-удача
Меня кормила кровью, плача...

И вот один и против стаи.
У жизни истина простая —
Спиной, в потёмках, в одиночку,
Схлопочешь вилы иль заточку.
Подцепят, радость не скрывая,
Здесь жизнь пьяна
и смерть хмельная...

По телу дрожь. И псы как вши.
Я в круг шагнул, на середину.
А следом всадники-стрельцы,
И смертный визг, и молодцы
Ножами тычат в спину.

И брызнет кровь из рваной почки.
И в горло, в шею и в бока.
И рвут на мне судьбы сорочку,
Подарок блудного отца.

И в грудь топор, где крестик серый.
И нет обратного пути.
И кровь во рту, и красной пеной
Мне отпускаются грехи.

Но не забыть мне вольной воли.
И тех, кто гнал меня по полю.
По той земле, где мать-удача
Меня кормила кровью, плача.

По той земле, где в час тревоги
Меня спасали — черти ль, боги.
Где высыхал народ от плача,
Где смерть пророчит вой собачий.
Где тянет воз беда кривая,
Где жизнь пьяна и смерть хмельная.

Иван Грозный

На троне Грозный — государь.
В лице царя — черты Денницы.
Взор устремлён куда-то вдаль,
Бездонны чёрные глазницы.
Трепещет жалкий пономарь,
Бояр испуганные лица.
Терзает колокол звонарь.
В багровом зареве столица...

Душа бормочет, как в бреду,
И голос Красной кобылицы
Пророчит Красную беду.

И никого ему не жаль.
На зов кормилица садится,
И адский сок — души печаль —
В голодный рот его струится.
И кровью полнится Грааль,
И над пылающей гробницей
Мечей сверкающая сталь —
Мятежных ангельские лица.

Душа бормочет, как в бреду,
И голос Красной кобылицы
Пророчит Красную беду.

И бездна ширится, как даль, —
Грехов мучительных темница.
И шлейф кровавых пёсжих стай
Сжигает праздничные ситцы.
И мрак окутал дивный край,
И трупный запах над столицей.
Терзает алчный государь
Соски довольной кобылицы.

Душа бормочет, как в бреду,
И голос Красной кобылицы
Пророчит Красную беду.

Стенька Разин

Стенька Разин — крик над полем.
Стенька Разин — крик в душе.
Стенька Разин — стонет горе
Чёрной птицей на меже...

И на зов, со светом споря,
Рушил мир в хмельной тоске
Исполин, вскормлённый волей
На вселенском кутеже.

И бессилен, и бесславен
Царский выкидыш — указ.
Он по крови равно правил,
Равноправно, без прикрас.

Равноправен, равноправен —
Равно правил Равноправ.
Он был Смерти равноправен
На пылающих пирах...

И купца бросало в дрожь.
И в поту подстилок царский.
И скользил по горлу нож,
Заглушая гнев боярский.

И текла рекой горячей,
Размывая берега,
Кровь, где нагло, наудачу,
Обирали города.

И звонил звонарь тревожно,
Собирая души в рай.
И на мясо рухнул ворон
С алчным криком: «Разбирай!»

Всё смешалось, всё бурлило.
Кто стонал, кто рвался в бой.
Смерть неслась по вздутым жилам,
Увлекая за собой.

Пляска с гиканьем и звоном
Под беды лихой рожок.
В вихре танца бьёт подковкой
Красной кожи сапожок.

Распоясалась святыня —
Русь крещёных молодцов.
Сытый ворон. Кровь на крыльях
И младенцев и отцов.

Россия*

Россия — мать.
Россия — свет.
Россия — смерть.
Россия — кровь Земли.
Россия — испытанье.
Ты как в хмельном бреду
От собственной судьбы.
И от детей своих, что пачкают в крови
Когда-то чистые, святые одеянья.

Тебя насилует кровавый супостат,
Мохнатым задом оскверняя небо.
И семя жидкое и чёрное, как яд,
Смывает в памяти святое воскрешенье.

И мерзкой похотью отмечена судьба,
И в чреве топают мохнатые копыта.
И чаша горечи уж выпита до дна,
И чаша горечи уж заново налита.

И плод сжимают, душат мускулы Земли.
Но этот плод ты удержать не в силах.
И рвётся плоть, и раздвигаются хребты,
И разрываются багровые долины...

В рожденье мерзости
Себя ты не вини,
Есть и у мерзости
Своё предназначенье.
Ты просто вычеркни
Из памяти рожденья
Тех, кто припал
К её отравленной груди.

Сентябрь 1995 г.

** Первое стихотворение автора.*

* * *

Сегодня праздник, краски, звуки,
Весёлый гомон площадей.
Но помню я невинных муки
И блеск разбойничьих ножей.

И вдовый взгляд, что слёзы прячет
В бессонных высохших глазах.
Маячит страх, весь день маячит
В петле на ярморочных столбах.

Плетётся вяло жизни кляча,
Гремит повозка — жди беды.
Жизнь платит, смерть суёт ей сдачу,
Прижав детей к своей груди.

И расчленяет душу мука,
Вид обречённый у толпы.
Вяжи, печаль, плети, разлука,
Седые волосы в снопы.

И нет ни смеха и ни плача.
И правит судьбами злодей.
Ведут на бойню жизни клячу.
Клюёт подачку воробей.

* * *

Загуляла Русь моя —
Стонут детки.
Юркнул в грудь стальной сверчок
Острый, меткий.
Встала Смерть передо мной —
Как живая.
Белый саван на меня
Примеряя.
Вот лежу я в груди тел
На дороге.
Эй, прохожий, не споткнись,
Выше ноги.
Трупный запах — не стыжусь,
Так бывает.
Остывает моя плоть,
Остывает.
Эй, пропащая душа,
Где подмога.
Ни молитвы, ни креста
У порога.
Кто такие? Да никто!
Бог нас знает.
Закрывает Смерть глаза,
Закрывает.

По кругу

Родиться, жить и умереть —
Не так уж, братцы, это много.
Но что скрывает саван-смерть
И что нас ждёт за тем порогом?

Быть может, смерть не так страшна.
Быть может, смерть — рождение.
Тогда рождению нет конца —
По кругу воскрешенье.

Сквозь время и пространство
Гуляешь налегке.
Сегодня в христианстве
И в траурном убранстве,
А завтра в кишлаке...

Рождён в краю седых степей,
Вдыхаешь запах трав.
И топот диких скакунов
Твой поднимает прах.

И сердце не стучит в груди,
До горизонта — воля.
Но ты давно уже в пути
В край Красного Запоя.

Где пьяный гул, где грязный мат
И чей-то зад в улыбке томной,
Где рты от золота смердят
И взгляд пылает мстью кровной,

Где скверной полнятся уста,
Любовь — под похотью ублюдка,
И в день Великого поста
Раздвинет ноги проститутка.

Здесь Пьяный Рай и жизни край.
Здесь Смерть, как хитрая паскудка,
Притворно хныча, как малютка,
Ворует чахлый урожай...

Родиться, жить и умереть —
Не так уж, братцы, это много.
Ведёт тебя по кругу Смерть,
Снимая саван у порога.

Не бойся, милая, смотрю,
Ты лгать умеешь сладко.
Я первый раз стою в строю
По росту, по порядку.

И пусть ликует Смерть в передней.
И пусть страшит истощный вой —
Он будет первым и последним
Мой смертный бой, кровавый бой.

И крѹшат стены топором,
И рвут когтями двери,
Кровавые, мохнатые,
Слепые люди-звери.
Вот мой черѹд.
И честь зовѹт
В кровавые равнины.
А там — паскудная братва
И смерти исполины.
И мне теперь всего милей
Удача и сноровка.
Авось, без призрачных коней,
Не ставит на дешѹвку.
И нет счастливей из смертей.
И пусть со света сгину,
Отдав и душу, и коня
За красную калину.

Подними меня повыше

Подними меня повыше,
Словно маленькую мошку,
Подними меня повыше,
Хоть чуть-чуть, хоть на немножко.

Подними меня над сушей,
Подними меня над морем,
Над подстилкой, что ворует
У меня и честь и волю.

Подними туда, где песня,
И пророки мирозданья
Строят звёздные дороги
И уводят от страданья.

Где покой качает душу,
Поседевшую от горя,
В колыбельке напевая
Про цветы на звёздном поле.

Подними, и, может, ангел
Позабудет долг на время
И пропустит в те долины,
Где бессмертье сеет семя.

Где любовь цветы роняет
На побритые головки.
И не мучают их больше
Гнусных тел татуировки...

Я взгляну — и успокою.
Я вдохну — и будет сыт
Тот, кто мечется в запое
Бед, неправий и обид.

Тот, кто рвётся вон из храма,
Где растлена борода.
Где вплетает дух лукавый
В свою плеть его года.

Где скитается убогий
Попрошайкой по углам.
Где здоровый прячет ноги,
Будто сломлен пополам.

Где в царях хмельной и сытый,
Взяв в любовницы Войну,
Трупным мясом кормит свиту,
Обокравшую страну...

Подними меня повыше,
Словно маленькую мошку.
Подними меня повыше —
Хоть чуть-чуть,
Хоть на немножко.

23 октября 1996 г.

* * *

Прикоснуться к Солнцу,
Надышаться небом.
Свет звезды далёкой
Будет вместо хлеба.

И душа — как воля,
И душа на воле
Мчится
Сквозь пространство,
Словно ветер в поле.

И забыть такое
Не под силу будет —
Как Любовь восстанет,
Как Любовь полюбит.

Обожжётся Солнце,
К свету прикоснувшись.
И Земля отмолит,
От беды очнувшись...

И услышит Смерть
Мой голос и мою силу.
И услышит Смерть
Мой голос и мою силу.

Поэт

Такого не увидишь наяву,
Она ко мне пришла в бреду.
И мне поведала о жизни неземной,
И умоляла: «Только сердцем будь со мной!»
И я, не веривший ни в сны, ни в чудеса,
Стонал молитву про Небесного Отца.
Но чьи-то руки мне сжимали с силой глотку.
И я хрипел: «Убейте, суки! Дайте водку!»
И выгибалось тело рваною дугой.
И жизнь то уходила от меня,
То вновь была со мной.
И измывались надо мной неведомые силы,
А женщина кричала: «Милый! Милый!»
И полз я к ней, и рвался вон из кожи,
И хохотали надо мной уродливые рожи...
Но я, поэт, дополз в назначенный мне срок,
Душой кровавой рухнув на порог.

Христос

Рождён поэтом — нет печальнее пути.
Рождён поэтом — нет печальней приговора
Исполнить песню, не услышанную в норах,
А ту, которая наколота в груди.

Он смотрит в глубь себя,
на миг прикрыв глаза.
Простор его души твои откроет веки,
Он сам не свой, он как уставшая звезда,
Пронзая мглу погасшая навеки.

От сердца к сердцу своё сердце передать.
И Песней Песню завершить, что не допета.
И заклеимённых от позора удержать,
И успокоить всех, кто мучим без ответа.

А с неба падает посмертная звезда,
Спасая истину от сплетен и навета.
И кто-то видит эти умные глаза,
И кто-то слышит эти мудрые ответы.

За каплей капля, на глазах у всей земли.
За каплей капля, на глазах у всей планеты.
Душа струится из распахнутой груди —
Для всех,
для каждой из сторон Земного Света.

СОЛНЕЧНЫЕ ПОЛЯ

(Песни)

Танец вдвоём

Мы танцуем вдвоём
Под небесным огнём.
Мы танцуем вдвоём
Над кипящей планетой.
И мы даже споём
Под небесным огнём
С удивительным смыслом
Простые куплеты.

А потом мы уснём
Под небесным огнём.
А потом мы уснём —
И не странно ли это?..
И задумчивый гном,
Что стоял за окном,
Таял в тёплых руках
Сновидений конфеты.

И мы будем вдвоём
Околдованы сном,
И раскатистый гром
Не разбудит нас летом.
И за общим столом
Кто-то вспомнит о том,
Как парила любовь
Над кипящей планетой.

Мы танцуем вдвоём,
Мы танцуем вдвоём,
Мы танцуем вдвоём...
Мы танцуем...

Века любви

Я строчки сердцем напишу —
Признание в любви любимой.
И строчки в реки соберу
И поплыву по рекам к милой.

И будет ждать на берегу
Она, чей свет неугасимый
Меня спасал — ей на беду,
У края пропасти незримой.

Припев:

*Река любви моей меняет берега,
Когда в мгновения весны
Приходит час разлива.
Я строчками любви соединю века.
Века любви, века любви,
Века любви неугасимой!*

И будет рваться к берегам
Моя душа с отчаянной силой
И вторить призрачным волнам
Моих страстей неутолимых.

И рифмы, душу и слова,
И горе, что сгибает спины, —
Я всё стерплю, сгорев дотла,
Для той единственной, любимой.

Припев:

*Река любви моей меняет берега,
Когда в мгновения весны
Приходит час разлива.
Признанием в любви
Мы создаём века —
Века любви, века любви,
Века любви неугасимой!*

Пылинки звёзд

Высоко, где в небе синем
Просыпаются рассветы,
Журавли мне прокричали
Песни дивные куплеты.
И от музыки небесной,
Словно девочка моя,
Улыбнулась мне планета
Ясной зорькой на поля.
И светло, и тихо стало
В моей маленькой душе,
И стоял я, словно в храме,
На невспаханной меже.

Припев:

*Пусть желания свои
Удержать мы не сумели
И, пленённые свободой,
Нарушали все запреты.
Словно вестники земли,
Где любовь хранит секреты,
Пойте песни, журавли,
Пролетая над планетой.*

И, застигнутый врасплох
Этой музыкой небесной,
Я вспорхнул как мотылёк
Над тропинкой неизвестной.
И, насытившись нектаром,
Я с душою мотылька
И с мерцающей росинкой
Попрощался на века.
И, пронзая свод небесный,
Удаляясь от земли,
Мчался звёздной пылинкой
В неизвестные миры.

Припев:

*Пусть желания свои
Удержать мы не сумели
И, пленённые свободой,
Нарушали все запреты.
Словно вестники земли,
Где любовь хранит секреты,
Пойте песни, журавли,
Пролетая над планетой.*

Осень

Вот и осень пришла.
Золотистой листвой в сентябре
Постелила Земля
Мне сырую постель в сентябре.
Колыбельную песню
Мне ветер споёт о тебе.
Он срывает листву —
Танец в память о юной весне.
Тихий шелест листвы —
Не приносит печальных вестей.
Лёгкий пух улетающих птиц —
Как преграда от зла и страстей.
Опускается небо на землю,
И краски темней.
Я отправился в путь
Средь холодных, блестящих огней...

Припев:

*И теперь я никто,
И теперь я ничей.
Лунный свет над Землёй,
Тихий шёпот свечей.
Ветер песню поёт —
Слышишь хор голосов.
Он уносит меня
В царство снов,
В царство снов.*

И от чёрных бесчисленных
Дыр и щелей,
Веет горькой тоской
Опустевших аллей.
Чьи-то тени пророчат
Отправиться в путь,
И я знаю: тебя
Мне теперь не вернуть.
Закрываю глаза —
Этот мир стал чужой.
Я на ощупь иду
По дороге хмельной...

Припев:

*И теперь я никто.
И теперь я везде.
Серебристым дождём
Всё брожу по Земле.
Соблазняю — как ночь.
Согреваю — как день.
Голубые глаза.
Золотая постель.*

Песня о погибшем друге

Дождь идёт, стучит по крышам.
День в осенней карусели.
И в душе грустят свирели,
Замедляя сердца стук.
Я сижу и наблюдаю,
Как в моей пустой квартире
Про апрельские капли
Пишет песню лучший друг.

Вспоминает он мгновенья,
Те счастливые мгновенья,
Те волшебные минуты
Вспоминает, словно сны.
Когда девочка рассвета
Целовала его утром,
И вокруг всё расцветало
С поцелуями весны.

Припев:

*И поёт его гитара,
Заглушая дождик хмурый.
Словно ножки малыша,
Пробегут слова по струнам.*

И в моей пустой квартире
Пробуждается весна.
На серебряные струны
Звонко капает роса —

Друг играет на гитаре,
Вспоминая о любви.
И ему чуть слышно вторят
На заречье соловьи.
И я чувствую, как время
Замедляет плавно ход:
Друг о солнечном апреле
Тихим голосом поёт.

Припев:

*Посеребрена душа.
День осенний смотрит хмуро.
Словно ножки малыша,
Пробегут слова по струнам.*

И грустят во мне апрели
Вот уже который год:
Друг поёт мне под гитару,
В моей памяти поёт.

Припев:

*Посеребрена душа.
День осенний смотрит хмуро.
Словно ножки малыша
Пробегут слова по струнам.*

Песня Падших Ангелов

Когда на парусе моём
Растает Вечный лёд,
С тобой мы снова поплывём
В край штормовых широт.
Где бури рвутся в небеса
И, с грозных падая небес,
Беспечно мчатся к островам,
Качая в кронах Древний лес.

Припев:
Время —
Ты незримо и жестоко.
Память — не даёшь душе покоя.
Вечность —
Ты сковала льдами сердце,
Сердце позабытого героя.

И мы забудем обо всём
И обо всех навек.
В краях, где ветер позабыл
Про слово «человек».
Там на скалистых берегах
Лишь слышен гомон птиц.
И серебристая роса
Лишь для твоих ресниц.

Припев.

И голос твой услышу я,
И тёплой станет кровь.
И вспыхнет Утренней звездой
Мной позабытая любовь.
И снова вечность на века.
И улыбнётся Тот,
Чей свет на наших парусах
Растопит Вечный лёд.

Припев.

Солнечные поля

Я летала над Землёй,
Я искала тебя, милый,
Светом Утренней звезды
Освещая путь незримый.
И, неведомых миров
Открывая двери смело,
Я прошла сквозь пламя слов,
Где душа твоя горела.
И как память о тебе,
Как желанье роковое —
Шлейф любви в моей судьбе,
Словно море огневое.

Припев:

*Что ж ты, странная Земля,
Не даёшь душе покоя,
Ведь молилось за тебя
Даже Сердце неземное.
И созвездья во вселенной,
Что мерцают для тебя,
О любви поют бессмертной
В Звёздной песне — для тебя.*

Я найду тебя, мой милый,
Пробиваясь сквозь века,
Ведь любовь моя, как пламя
И как бурная река.
И, в грехах себя терзая,
Чтоб остаться на Земле,
Лютой стужей, звёздной ночью
Я молила о тебе.
Словно нищенка земная,
Я без усталости брела.
И звала тебя сквозь слёзы
На Священные поля.

Припев.

Отзовись! Дай знать, мой милый,
Где тебя сокрыла Смерть.
Я отдам свой свет и силы,
Сокрушив Земную твердь...
И, пронзая мрак бездонный,
Как сбежавший дикий зверь,
Вновь восстанет Свет пленённый
Светом с Солнечных полей.

Припев.

Упавшая звезда

Свободу, света просят все,
от края и до края.

Для всех один рассвет, один закат.
Но где-то там, за краем, есть другая,
Другая сторона, где страх и смрад.

И те, кто ближе к краю, — молчаливы.
Спокойно смотрят на беды лихой парад.
Их отделяют от земли небес разливы,
И смог молитв, и благовоний аромат.

И всех, живущих на краю,
Мы поимённо знаем.
У них один удел — рассеяв мглу,
Смотреть на свет и солнце,
боли не скрывая,
Прикрыв собою ада кутерьму.

Припев:

*Здесь кто-то бродит на краю,
А кто-то ждёт судьбу.
И кто-то пробует спасти
Упавшую звезду.
И хмель гуляет по свету,
Сбивая с толку всех, —
Кровавый спор
С тех давних пор,
С тех ангельских потех.*

И есть живущие, что слёзы льют и блеют
Над книгой в ожидании наград.
И те, кто, заглянув за край, — хмелеет,
Увидев красных полчищ авангард.

И нет конца бесчинству иль безбожью.
И не спасает вера от утрат.
Здесь душу потерять гораздо проще,
Чем уберечь, беднягу, от наград...

Припев.

Весна

Я весна, я весна,
Я на том берегу.
Между нами снега,
Между нами торосы.
Но ты верь, но ты верь,
Я сумею, смогу
Подарить тебе чистые
Вешние росы.

Припев:

*И не будет печали,
Не будет беды —
Я тебе ворожила у тихой воды.
И, вечерней зарёй обнимая тебя,
Я в хрустальной росе
Расстелила поля.*

Я весна, я весна,
Я молитвы твои.
Я волос твоих вьющихся
В золоте локонов.
Я и голос любимой,
И слёзы земли,
Что прольются с берёзы
Берёзовым соком.

Припев.

Я весна, я весна.
Я на помощь спешу.
И любовь моя — песня
Вселенной безбрежной.
Но ты так далеко,
И на Млечном Пути,
Где из света звезды
Твои сшиты одежды.

Припев:

*И не будет печали,
Не будет беды —
Я тебе обещала у тихой воды.
И, вечерней зарёй вспоминая тебя,
Я в хрустальной росе
Расстелила поля.*

Содержание

Кино и песни Олега Полевого 5

Белая река

Лето	9
Письмо любимой	10
Любовь	11
Признание	12
Расставание	13
Ревность	14
«Открытое окно...»	16
Душа моя	17
Просьба	18
«Мой бедный Бог...»	19
Белая река	20
Запомни меня	22

Калина красная

«Я родился человеком...»	25
Сон	26
Чума	28
«Просторных площадей...»	29
«Я отмечу на белом листе...»	30

Я видел... ..	31
Приют	32
«Над землёй...»	33
Свет небесный	34
Падает звезда	35
Скоморох	36
Пора!	38
Прощайте!	39
«Свершилось...»	40
«Попробуй вспомнить...»	41
Последний день	42
Плаха	44
Беглец	45
Красное и белое	46
Друзьям	48
Русь	50
Беда	52
Красные короли	54
Петербург	56
Война и Смерть	58
Весна	60
Волк	62
Иван Грозный	64
Стенька Разин	66
Россия	68

«Сегодня праздник...»	70
«Загуляла Русь моя...»	71
По кругу	72
Калина красная	74
Подними меня повыше	76
«Прикоснуться к солнцу...»	78
Поэт	79
Христос	80

Солнечные поля
(Песни)

Танец вдвоём	83
Века любви	84
Пылинки звёзд	86
Осень	88
Песня о погибшем друге	90
Песня Падших Ангелов	92
Солнечные поля	94
Упавшая звезда	96
Весна	98

Иллюстрации в книге:

<i>Николай Сапунов</i> . Пьеро, 1910	37
<i>Евгений Лансере</i> . Петербург, 1903	57
<i>Алексей Саврасов</i> . Начало весны, 1876	61

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
ПОЭТИЧЕСКАЯ СЕРИЯ «ВДОХНОВЕНИЕ»

ВДОХНОВЕНИЕ

ОЛЕГ ЮРЬЕВИЧ ПОЛЕВОЙ

Чёрно-белое кино

Редактор *Эдуард Побужанский*
Младший редактор *Максим Литвак*
Дизайн и верстка *Дмитрий Климович*
Старший корректор *Светлана Орлова*
Корректор *Ольга Сухова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.
Заказ № 1568. Подписано в печать 14.03.2017.
Формат 130х200 мм. Печать цифровая.
Тираж 100 экз.

издательство
образ

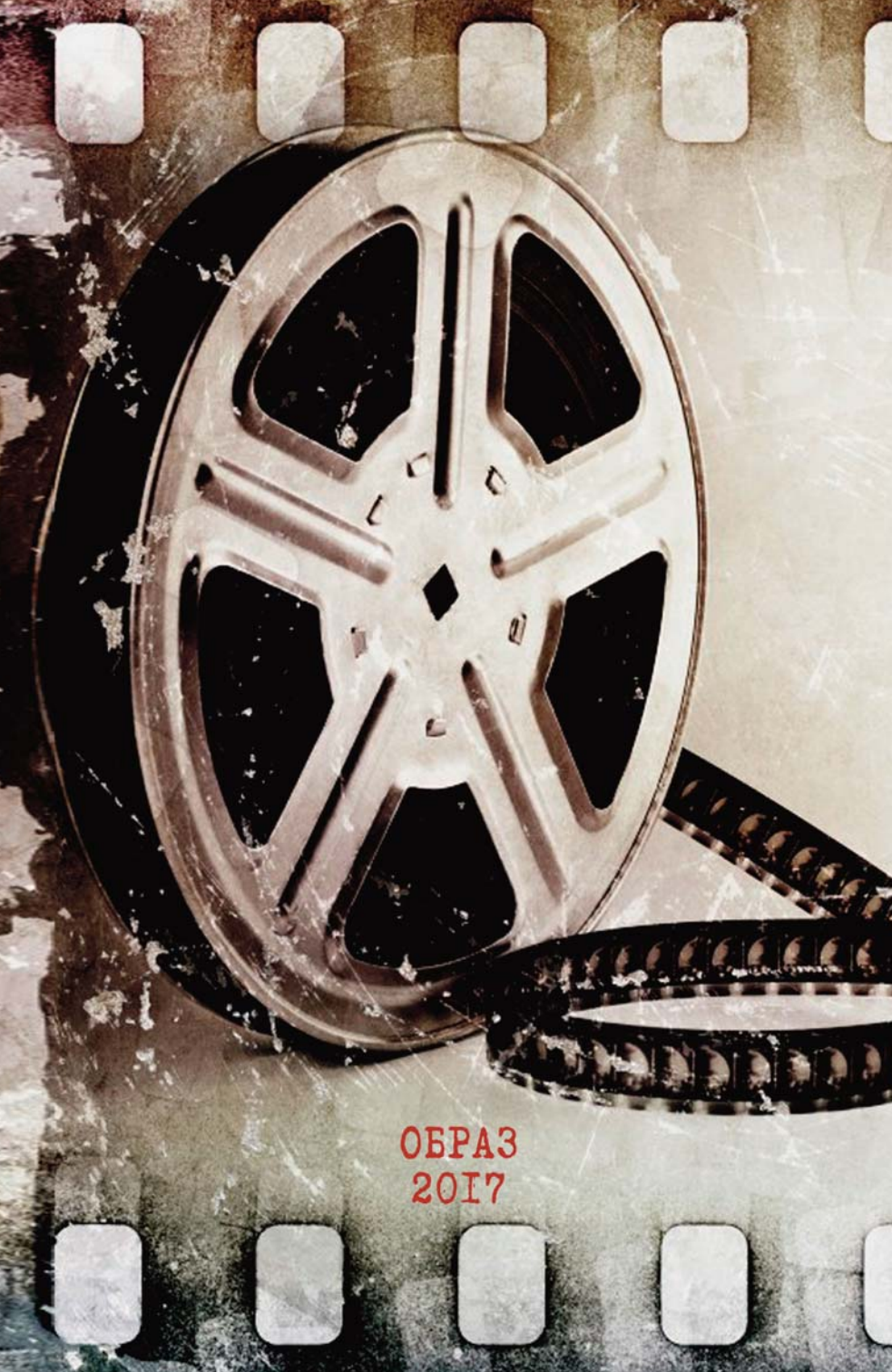
ООО Рекламно-издательская группа «ОБРАЗ»
127591, г. Москва, Дмитровское шоссе, дом 100,
офисный центр «Норд Хаус», офис 31-121,
тел.: +7 (495) 223-44-39, +7 (926) 187-59-89.

vk.com/izdatsu
fb.com/lzdaiKnigu

izdat.su

ОБРАЗ
2017